

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ИЮЛЬ 2015 г. • № 7 (225) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ЛИБЕРАЛ БУШИН

Вослед за либералом Дмитрием Быковым на мою книгу о Бродском налетел ультра-либерал Владимир Сергеевич Бушин. Я не смеюсь, по ряду позиций никакой другой, как либеральной, позиция Бушина быть названа не может. Впрочем, подробности в статье.

К примеру, по поводу некоей защиты романа Анатолия Рыбакова "Дети Арбата" от Бродского, а вы что, Владимир Сергеевич, разве не считаете это издание макулатурой? Так оцените хотя бы такую смелость автора, который заявил о макулатурности "Детей Арбата" сразу после выхода книги, когда мало кто даже из наших советских патриотов (кроме Куняева, в чём-то схожего с Бродским своими поступками) отважился замануться на эту книгу.

Владимир Сергеевич, почему же вы не приводите до конца стих о Жукове, обрывая там, где вам выгодно. Именно в данном тексте можно отыскать разделяемую, пусть номинально, русским поэтом общность судьбы с русским народом, с Россией. То есть то, что английский писатель Ричард Олдингтон, говоря о патриотизме, назовёт "прекрасным чувством коллективной ответственности". А ведь Бродский прямо пишет:

*Маршал! поглоти алчная Лета
эти слова и твои прохоры.
Всё же, прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта
громко свисти на манер снегири.*

То есть, эти слова не о Жукове, а о ничтожестве любого поэта перед героем Родины, жалкая лепта по сравнению со спасителем родины. Что же постеснялся критик привести всю фразу, оставив одни прохоры, то есть сапоги героя. Значит, сам Бушин понимал, что врёт, понимал свою вину перед поэтом. Бушин добавил бы ещё, что по мнению поэта, эти стихи о Жукове должна была напечатать газета "Правда": "Вообще-то, я считаю, что это стихотворение в своё время должны были напечатать в газете "Правда". Никто не обязан не любить ни Жукова, ни Бродского, но если ты заявляешь, что преклоняешься перед маршалом Жуковым, то совсем не надо унижать поэтов, которые пробуют впервые его воспеть. Или у вас их много?

Упрекает Бушин, и уже не первый раз, Бродского за фразу из стихотворения:

*Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражых тупей...*

"Откуда взял, что тупей? Какие данные? Кто сказал? Что, наша "катюша" была "тупее", чем немецкий шестиствольный миномёт? То-то они всю войну пытались её перенять. Или наш танк Т-34, который тоже безуспешно пытались перенять, "тупее" их Т-IV? А что "острее" могли немцы противопоставить 36 тысячам наших штурмовиков Ил-2?..." Не будем сравнивать данные наших минометов и танков, к счастью, в конце войны они и на самом деле у нас стали острее всех. Но любого поэта, пишущего правду о войне, от Константина Симонова до Александра Твардовского, тревожит тот факт, как победоносная Красная Армия отступила до Москвы и Волги, и любому великому маршалу Жукову переломить этот ход сражения было не просто. Как-то лихо фронтовики Владимир Бушин забыл обещания Сталина, что овеать мы будем только на чужой территории. И не так-то просто было принять другую картину войны, где "меч был вражых тупей" и изменить её в корне. Пусть Владимир Бушин и ответит, если наши танки, "катюши" и штурмовики были лучше всех, то почему мы оказались под Москвой, а не под Берлином в конце 1941 года? А поэт не пишет о данных миномётов, он пишет о ходе войны, и о её итоге.

Хотелось бы знать ещё и почему эта эпитафия Бродского на смерть великого русского полководца Маршала Жукова, пусть и неудачная, по мнению Бушина, и написанная уже в эмиграции, была на тот момент и на долгое время единственной эпитафией на смерть гения? Почему сам поэт Владимир Бушин не написал эпитафию на смерть опального маршала? Побоялся? Или никто бы печатать не стал. Ни в "Правде", ни в "Литгазете". Вот и напишите нам об эпитафиях на смерть великого полководца. Или тогда вы тутошнюю власть обслуживали, не любящую Жукова?

Поразительная память у уважаемого мною Владимира Сергеевича: он помнит, что двадцать лет назад, 27 января 1996 года, в редакции газеты "Завтра" я в середине рабочего дня неумеренно пил водку. Ай-яй-яй! Нехорошо клаязничать. А если я вспомню, что тридцать лет назад вы где-то у забора на виду у всех мочились, как вы сможете доказать, что я не прав. Да и мелко это как-то для уважаемого критика. Ну и что с того, что в ту пору уже зам. главного редактора в середине рабочего дня с сотрудниками водку пил, тем более, по уважаемому поводу, узнав о смерти поэта?

Не понимаю психологию Бушина, зачем было добавлять эту деталь: "в середине рабочего дня пил водку в кабинете главного редактора". Если все мои недостатки сводятся лишь к таким нарушениям, то я вообще – идеальный человек. Не понимаю я и того, почему этот унижающий Бушина абзац не выкинул редактор – Николай Дорошенко. Он-то водку пьёт в рабочее время чуть ли не каждый день на виду у всех. Почему ему-то можно, Владимир Сергеевич?

Я, конечно же, рад этой статье, где я был поставлен вровень с гениальной русской поэтессой Анной Ахматовой. Но я не рад тому, как низко обожжена великая поэтесса критиком Бушиным? "Я была тогда с моим народом..." Ахматова имела право так сказать, оба её мужа были расстреляны, сын сидел в тюрьме, может надо просто посочувствовать русской бабе? Муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне...", не русский вы всё-таки человек, Владимир Сергеевич. Любой другой, даже злодей, посочувствовал бы женщине, только не вы. И не надо низко отделять её от народа. Мол, барыня, какой уж тут народ. Пушкин ведь тоже барином был, и Тургенев, и Лермонтов, и Гумилёв. Может, их тоже подальше от народа отсесним? А уж выяснять, сколько бутылок вина выпила в эвакуации Анна Андреевна (когда абсолютно непьющие (!?) русские солдаты гибли в окопах), это настолько недопустимо для любого не только критика (если Владимир Бушин себя ещё считает таковым?), но вообще мужчины, позорно для него. А еще выяснять, где обедала и с кем гуляла? Зачем это надо критику? Если я начну выяснять, с кем пил Захар Прилепин, у меня времени не останется на чтение его бесподобных рассказов, повестей и романов. Пусть уж лучше Бушин устроит до-

прос с пристрастием Иосифу Сталину, сколько он вина выпил, и где и когда обедал, когда народ голодал? Да и самого Бушина, вальяжно проживающего в писательских дачах, как-то к простому народу не отнесёшь. Отдал бы свою дачу нуждающемуся крестьянину.

Но мало нашему критику осуждений в адрес замечательного стиха "Я была тогда с моим народом...", это можно ещё отнести к его политической позиции, но неужели никто не заметит оскорбительных фраз Бушина в адрес уже классического стихотворения:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

Да мне дела нет до того, где и как оно было написано. В Ташкенте или Магадане. Великий стих. Лишь человек презирающий не только поэзию, но и саму Россию и русский народ может обгадить такие строки. Мол, где же она раньше была, почему 22 июня 1941 года не написала сей стих? И дальше уже совсем уничижительно в адрес:

*Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова...*

Мол, ещё как страшно, и без крова нельзя оставаться. Видно, что сам Владимир Бушин решил немцам отдать всю Россию прямо 22 июня, и остаться при своих квартирах и при своей жизни, и в мужестве не нуждается. Впрочем, не нуждается он и в русском слове, ведь стихотворение Ахматовой заканчивается так:

*Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

А надо ли хранить, спрашивает Бушин, ведь немцы-то русский язык и русское слово не запрещали, "... даже издавали газеты, спектакли ставили на русском языке – а как они могли иначе?". Не было бы русского мужества, пили бы Бушины баварское пиво в Мюнхене, писали бы стихи и рецензии на русском языке. Какая тут гибель русского слова?

Честно говоря, в этой статье Бушина "Гений? Вестимо...", помещённой на сайте "Российского писателя", меня больше всего возмутили не упреки в мой адрес, не нападки на Бродского, а вот эта площадная ругань в адрес Анны Ахматовой. Неужели никто не заступится за поэтессу? Да и Дорошенко надо задуматься, прежде чем такие статьи печатать. Вырезал бы всю ругань в адрес Ахматовой, остановился бы на одном Бондаренко, хрен с ним.

Но пойдём дальше, на всякий случай, отводя от себя все упреки в антисемитизме из-за критики Бродского, Владимир Бушин подробно перечисляет всех своих еврейских друзей, о ком он писал, и кто его прославлял. Надо же, ни одной Ахматовой, ни одного Бродского:

"А сколько у меня книг с их дружескими надписями. Михаил Танич: "Владимиру Бушину, первому читателю этой рукописи, не без его доброты ставшей книгой – с благодарностью и уважением". Шесть книг подарил мне Пётр Градов, и на каждой надписи в таком духе: "Володе Бушину с огромной благодарностью и искренней симпатией. 5 мая 1978 г.". Или: "Володя! Спасибо тебе за доброе отношение к моим стихам. Помню с благодарностью твою давнюю рецензию. 26.4. 86 г.". Лев Болеславский: "Владимиру Сергеевичу Бушину, особенно причастному к рождению этой книжки. С искренней признательностью и пожеланием многих Дней Радости. 14дек. 1982 г.". И зазвучу, что когда я писал о книгах всех этих авторов, то по фамилии или внешности, знал, конечно, кто они по национальности..."

Да Бог с ней, с этой национальностью. Если ты пишешь о подобных беднях и гордишься ими, если и они пишут о тебе, то и цена тебе такая же – градовско-болеславская. Думаю, Иосиф Бродский им даже бы не ответил.

Это и секрет всей бушинской злобности, с болеславской высоты лают на бродский уровень. Ай-да Моська, знать она сильна, копь лает на слона!.. Как он умудрился в одной статье обаять Анну Ахматову и Иосифа Бродского и восхититься Болеславским и Градовым? Неужели не понимает уровень тех и других? Да и критик ли он?

Сейчас я себе в поддержку потребую и Куняевых. Ведь, этому павликлянту мало унижить Ахматову, мало даже Бродского, далее он пишет, упрекая меня в критике советских идеологов за отказ от поддержки русскоости:

"Но не это главное, а вот что: "С каких это пор наши власти полюбили народность в поэзии, воспылали любовью к Николаю Клюеву, Сергею Есенину или Николаю Рубцову и Николаю Тряпкину? Нет, никогда (!) народность не была в чести у партийного начальства, её боялись иной раз больше, чем диссидентства".

Вот, оказывается, в каком ещё виде может предстать антисоветчина под пером критика-патриота. Бедноваты, Бондаренко, твои представления о народности. Ну, не станем уж налегать на то, что второй в твоём списке сказал о первом:

*Вот Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка.
Но я их вслух вчера прочёл,
И в клетке сдохла канарейка.*

И ведь он отнюдь не принадлежал к "партийному начальству".

Какое ему дело до разногласий между двумя крупнейшими русскими поэтами, Клюевым и Есениным, все равно в истории русской литературы они всегда будут вместе. И за что тебе, Владимир, так не нравится Николай Клюев? Или ты его и не читал вовсе? Или же ненавидишь эту глубинную русскость? Пора уж Сергею Куняеву дать свой справедливый ответ.

Я ему о лагере Леонида Бородина, которому дали за русский патриотизм раз в шесть больше, чем всем Аликам Гинзбургам, а он мне: "А хотя бы Пушкин и до точки изученный тобой Лермонтов, Некрасов и Кольцов, Исаковский да Твардовский под твою "народность" не подходят? Или у тебя есть сведения, что, допустим, сказки Пушкина и "Песня про купца Калашникова" были "партийным начальством" запрещены? А музеи в Михайловском, в Тарханов, в Константиново, не говоря уж о Ясной Поляне, созданы Ельциным и Швыдким?".

Многое было сделано хорошего советскими властями, но и проблем с русской народностью и в музеях и в литературных журналах хватало. Сейчас не об этом.

Но были же и изгнанный с работы за русскость Сергей Семанов, было же постановление ЦК КПСС по статье Михаила Лобанова, был запрет памятника Клыкова Сергию Радонежскому. Всё было, так разберись потихоньку. А он мне: "Не знаю, сознательный критик путает или невольно запутался и стал вещать как диссидент."

(окончание на стр. 3)

Эдуард Лимонов, Владимир Бондаренко, Сергей Шаргунов, Захар Прилепин
(публикации к 40-летию Захара Прилепина на стр. 1 и 5)

О книге Игоря Виравова "Андрей Вознесенский"

Книга Игоря Виравова – сто лирических отступлений к биографии Вознесенского. Почти бесконечный, талантливый, рассыпчатый, вдохновенный монолог. Забегает вперёд, отбегает назад. Будто написал кипу листовок, немного, перетасовал (но не перепутал), и дал в печать.

Шампанская книжка – и в то же время большая, словно ранка недавняя – видно, что писалась книга весь последний год: очень много про Украину, про Новороссию, про Дом профсоюзов; вроде бы не совсем правильно, что Вознесенский взят автором в свидетели нашей национальной правоты – он же ж не в курсе, что тут у нас творится, – но мне это тоже нравится у Виравова.

Тем более, после того, как либерал-прогрессисты сдали Бродского ("забирайте себе вашего имперского ватника"), они Вознесенского сдадут с ещё большей лёгкостью. Этот им вообще не нужен.

Добавим к коллекции тех, кто собирает извещения о Бродском-империалисте – из книги

Захар ПРИЛЕПИН

Крестик, нолик, Вознесенский

Виравова.

Что-то случилось такое после распада СССР – что примирило Бродского с Вознесенским: до тех пор Иосиф Александрович его терпеть не мог.

Но теперь уже оба оказались вроде как и не "ахматовские сироты" или там пастернаковские – а просто сироты.

Бродский пригласил Вознесенского к себе, сидели вдвоём, водку пили.

– Империя жалко, – сказал Бродский.

– Империю жалко, – сказал Вознесенский.

Два поэта империи, два поэта большинства.

"На одной только иронии не уедешь. Где путь? Нужен идеал", – сказал тогда Бродский.

Гениально. Иронисты, постмодернисты только начинались, а Бродский уже заскучал. Умер, чтоб не видеть этого кривляния.

Не то, чтоб в России стоит жить долго, но читать надо много, чего только не узнаешь. Я узнал про женщин Вознесенского – был удивлён: как действовала тогда поэзия, Боже мой. Актрисы поэтам больше не дают, жёны президентов не летят к ним на встречу через океан. Только имперским поэтам такие, как их, бонусы переплавали.

И ещё думаю: надо поставить памятник жене Вознесенского – Зое Богуславской. Кто последние страницы книги Виравова читал – тот поймёт.

Виравов так пропитан Вознесенским, что сам становится поэтом. Всё время что-то пытается договорить не столько о Вознесенском, сколько за него. Книга тостов. Незримый Вознесенский слушает и кивает старой головой, чуть перебирая губами. Он был добрый. Он был добрый поэт. Слишком добрый для русского поэта.

Иногда у самого Виравова случайно получают стихи: так пропитался. Вот пример, почти насквидку.

"Заметив Вознесенского на похоронах Нины Искренко, кто-то записал: был тих, удручён, рука на перевязи. Молодые поэты не то, чтобы злословили, нет. Иронизировали".

Это ж поэзия. Давайте их в четверостишие поместим и получится почти себе Вознесенский.

А порой у Виравова получаются стихи осмысленно, и, на мой взгляд, бесподобные. Куда злей, чем Андрей Андреевич мог себе позволить.

"...Вот именно, казалось бы, в новейшую эпоху – когда ну столько явится нам г... (залипла буква "г" на клавише), ну, г-гениальных инсталляций! Когда из всякой книжки, всякого журнала выпрет г... ну, г-глянцевость обложки! Когда телеканалы разукрасят г... ну, г-гирлянды г... ну, г-гиперсериалов! Кино – о, явит нам чистейшей прелестью чистейший г... ну, г-голивуд, почти что! А кучи г... ну, г-гегелей из интернета? А торжество всемирного г... ну, все поняли, г-гламура? Казалось бы, какие Вознесенские, какие тут "Юноны"?".

Ошеломительно, хоть в рамочку и на стенку. Чтоб когда "владельцев дискурса" поставят в угол к стенке, они почтатели и посягались. (И потом их отпустить на все четыре стороны, владеть дискурсом дальше, а то мало ли что вы подумали.)

Виравов в своей книге цитирует несколько раз Эдуарда Лимонова, и несколько раз Владимиром Бондаренко. Ещё – философа Александра Зиновьева. Я же говорю: наш человек. Не человек круга Вознесенского. Если он остался ещё, этот круг. Виравов сделал дело: нарисовал свой круг вокруг Вознесенского, чтоб всякая нечисть не претендовала на русского поэта и не клевала его в голову.

Но давайте я скажу обидное, что ж поделаешь. Иначе нечего было начинать, не свататься пришлось сюда. Тем более, что Виравов, словно заранее зная контрольные, всю книгу спорит с невидимым оппонентом. И мы выскажемся, раз так. Обобщённо, и потому несколько пошло, – но сам жанр рецензии диктует такой подход.

Да, Вознесенский был огромный мастер, автор нескольких удивительных, нечеловеческих, ангелами принесённых стихов, великой поэмы "Юнона и Авось", великой поэмы "Лонжюмо" (я не иронизирую), ещё мне нравилась его поэма "Расспадающийся распада", десяток стихов приводили в восторг, и даже целая книжка была в нашей советской деревенской домашней библиотеке, я её прочёл в каком-нибудь 1981 году, едва научившись читать, – "Взгляд": прекрасная. Но как политический человек – он был чаще всего банальный, мысли его (не наблюдения и жонглирис-

тые мемуары, а "прозрения") были, как средняя температура по палате, думал он только стихами, только в рифму (как, в целом, и вся эта – "нас мало, нас, может быть, четверо" – компания).

Но и в стихах его никаких долгих мыслей нет – декламационность, декларативность, кульбиты, кульбиты, кульбиты, архетипическая архитектура, арматура текстуры, аксиомы самоиска, бесконечная, хотя и привлекательная порой, мутотень – прыжки и нырки – лишь бы рифмовалось, лишь бы вылупливалось и попискивало по-цыплячи: "самописка-самоиска": шагу ни ступи в его книжках, – наступишь на какого-нибудь пластмассового цыплёнка с дырочкой в боку, или вообще из дырочек состоящего.

В финале книги Виравова даются ответы Вознесенского на вопросы студентов (1999-й год, огромная жизнь позади: всё, что вынес).

Мечта? – "Мечтаю, чтобы люди хотя бы полчаса пожили нормально в нашей стране".

Переделкино застраивают, Андрей Андреевич, какие-то упыри, вы по-прежнему за ры-

нок? – "Да, бывают ведь и другие рыночки".

Ну и далее: "Главное, чтоб строчка стояла".

И самое главное, "...когда среди дерьма остаётся потребность в ландыше".

Невыносимо, это маниловщина какая-то. Лучше б и эти интервью он давал, что ли, в рифму. Хотя бы не запомнилось ничего.

Читаю Вознесенского время от времени целую жизнь, а только тихие языки светят из собак как из зажигалок, а дальше толком ничего не помню, и представить не могу такую ситуацию, чтоб о чём-то подумал строккой Вознесенского, тем более: помолвился ей. Может, конечно, со мной что-то не так, но строккой Бродского, Юрия Кузнецова, Геннадия Русакова, Бориса Рыжего и меряю шаги и скорость сердца. Не говоря уж о Есенине, Гумилёве, Блоке...

Вознесенский был, признаюсь, вполне себе розовый либерал, такой, с платочком на шее, приятный во всех смыслах человек. Что-то всё время пел себе: был Советский Союз – пел там, был "Метрополь" – спел с ними, после "Метрополя" уехал на полюс – воспел полярников, началась перестройка – воспрянул, воспел её, продолжилось катастрофой – осудил, но в меру.

Самый героический его поступок – то, что не подписал в 93-м году письмо "Раздавите гадину!". Больше ничего алогичного, поперечного, трагического. Так могло продолжаться бесконечно, как пластинка. Именно поэтому его тексты так легко исполняли сладкоголосыми дураками: всё необходимое (всё бессмысленное, унифицированное – зато яркое, стрекочущее) там было заложено.

И при этом: человек-эпоха.

Какая эпоха, такой и человек. Всякий шестидесятник мечтал про себя, что он как Маяковский или, на худой случай, Пастернак, – а жил и думал при этом как игорьсевернин. Хотя Игорь Северянин был, конечно, причиной и даже последователем, о Родину салные руки не вытирал. Жаль всё-таки, что не дожил Андрей Андреевич "до Крыма". Знаю одного поэта – такой же большой, как Вознесенский, только из другого города – который написал цикл стихов, восславляющих возврат Крыма. Но публиковать отказался, объяснил: не простят, затравят. (Это в стране-то, где "патриотический угар" и затравили всех либералов. Что-то этот поэт понимает главное, в отличие от наших прогрессивных истериков.)

А Вознесенский – он опубликовал бы своё про Крым (то, что написал бы – не сомневался).

Впрочем, стихи могли бы оказаться такие – прочтёшь и не поймёшь: "он за колхозы или против". "Андрей Андреевич, это... вы сами-то за кого?" – "За людей", – ответил бы. Но могли и не такие стихи у него быть, потому что юношеской бойцовской завкаси ему всё-таки хватило, чтоб написать в 2004 году стихи "Металлолом" – о том, как Украина распродаёт русский флот, и рыдает, глядя на это адмирал, и у Вознесенского вырывается: прощайте-прощайте весь этот кошмар, "только рано ещё прощать".

"Только рано ещё прощать".

Так что нечего тут измерять Вознесенского своим вкусом. Кто тут мерил? Вознесенский бы срифмовал к "мерилу" что-нибудь весёлое в ответ.

Никакого вопроса нет с Вознесенского: у него есть классические стихи, и он, один из немногих за всю историю человечества (Зал Всу! Историю! Человечество!) собрал на свою поэзию стадионы. У вас такое было? Не было. Вот и помалкивайте. Завидуйте молча.

И такую вдохновенную книгу, как у Виравова про вас не напишут. А про них написали.

Земля вам пухом, Андрей Андреевич.

Или лучше так: "Земляпухом вам, земляпухом".

Или ещё вот так: "The, мля, пу Х О м".

(Х, О – это крестик и нолик, для несведущих поясню: у Вознесенского целая книжка есть про крестики и нолики. Всё как он любил, в общем.)

От редакции:

Поздравляем нашего давнего – чуть ли не с первой публикации – автора и друга Захара Прилепина с сорокалетием! С гордостью следим за его всё более и более укрупняющимся талантом. Долгих и плодотворных лет жизни ему на радость всем истинным поклонникам русской литературы.

К 40-летию Захара Прилепина

Первый раз прочёл рассказ Захара Прилепина "Письмо товарищу Сталину", как яркую антилиберальную сатиру. Этакий русский антишпендерович. Так, забава для мозгов. И не более.

Второй раз, кроме самого текста в меня влезал и его подтекст. По сути, там языком гротеска и постмодернизма сказано русская правда о русском народе. Думаю и эту хлесткую сатиру на либеральное общество, какой бы беспощадной она ни была, не заметили бы. Понимал это и сам Захар Прилепин. Как угодно ругай русский народ, русские власти, русских миллионеров, – никому до этого дела нет. И вдруг поемлика по всему мировому интернету. Пишут свои колонки Шпендерович и Иртенёв, Быков и Кох, Ольшевский и Долина. Что новое нашли? В заезженной пластинке проклятия перестройки.

Дерзай дальше, друг!

Третьим слоём в этом сатирическом эссе идёт очень себя уважающий еврейский народ. Хочешь, чтобы тебя заметили, пиши о евреях. Весь протест

бы пишут. Пишет даже деликатнее. На этом он всё равно погорел.

Помню я на одном лондонском поэтическом фестивале, где был в жюри, как и положено, большинство поэтов и критиков были евреи. Мы хорошо и весело вели фестиваль, и я встроился в их игру и так же легко и иронично стал говорить о тех же еврейских проблемах, о которых только что они говорили куда хлеще. Это встраивание в их мир аукается мне до сих пор...

Захар решил заговорить их языком о русском народе и о нашей стране. Он переступил "черту осёдлости". Вся центровая наша интеллигенция – это же не русская интеллигенция. Мы – на обочине, по касательной.

Я рад случившемуся...

(Окончание статьи Владимира БОНДАРЕНКО, опубликованной три года назад, но до сих пор актуальной, – на сайте)